

Елена Николаевна Гуц

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций,
Омск, Россия
e-mail: egoots@yandex.ru

Елена Дмитриевна Лонская

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, магистрант, Омск, Россия
e-mail: elenandl@yandex.ru

Семантическое моделирование вербализации страха в условиях полиэмоциональной ситуации

Аннотация. В статье представлены результаты семантического моделирования вербализации *страха*, происходящей в условиях сосуществования нескольких эмоциональных ситуаций. Доказывается эффективность применения системы параметров — самостоятельно разработанного инструмента, используемого как для анализа полиэмоциональных речевых произведений, так и для построения соответствующей семантической модели. Эмпирическим материалом исследования стали 100 минимальных контекстов употребления лексемы *страх*, взятые из публицистического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Анализ высказываний, основанный на комплексном изучении синтагматических отношений компонентов полиэмоциональной ситуации, позволил определить типы взаимодействия эмоций и создать трехуровневые модели, отражающие способы репрезентации такого взаимодействия.

Ключевые слова: лексика эмоций, вербализация эмоций, эмотив-номинант, семантическое моделирование, параметр.

Elena N. Guts

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk, Russia
e-mail: egoots@yandex.ru

Elena D. Lonskaya

Dostoevsky Omsk State University, Master's Degree Student, Omsk, Russia
e-mail: elenandl@yandex.ru

Semantic Modelling of Fear Verbalisation in Polyemotional Situation

Abstract. The article presents the results of semantic modelling of fear verbalisation occurring in the conditions of coexistence of several emotional situations. The article proves the effectiveness of using the system of parameters — an independently developed tool used both for analysing polyemotional speech works and for constructing the corresponding semantic model. The empirical material of the study was 100 minimal contexts of use of the lexeme fear taken from the journalistic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. The analysis of the statements based on the complex study of syntagmatic relations of the components of a polyemotional situation made it possible to determine the types of emotion interaction and to create three-level models reflecting the ways of representation of such interaction.

Keywords: vocabulary of emotions, verbalisation of emotions, emotive nominee, semantic modelling, parameter.

Введение (Introduction)

Отечественным и зарубежным языкознанием накоплен значительный опыт в области лингвистики эмоций. Формиро-

вание эмотиологической теории, предполагающее в том числе определение границ понятия эмотивного значения, разработку типологии эмотивных знаков, изучение специфики

© Гуц Е. Н., Лонская Е. Д., 2025

Для цитирования: Гуц Е. Н., Лонская Е. Д. Семантическое моделирование вербализации страха в условиях полиэмоциональной ситуации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (46). С. 75–79.
DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-75-79

номинации и репрезентации эмоций, исследование эмоциональной картины мира и этнокультурных особенностей выражения эмоций, отражено в работах В. И. Шаховского [1], Ю. Д. Апресяна [2], Л. Г. Бабенко [3], А. Вежбицкой [4], Н. Д. Арутюновой [5]; среди зарубежных авторов выделяются Х. Й. Диллер (H. J. Diller) [6], Б. Волек (B. Volek) [7], Ф. Данес (F. Danes) [8], Ц. Цаффи (C. Caffi), Р. Джанни (R. Janney) [9] и др.

Настоящая работа основана на достижениях лингвистики эмоций и посвящена моделированию вербализации эмоций, происходящей с помощью лексем, непосредственно номинирующих переживание.

Как отмечает Ю. Д. Апресян, сложились два подхода к описанию эмоциональной лексики, соотносимые со способами объяснения испытываемого чувства: «либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [2, с. 454]. Соответственно, первый подход назван смысловым, а второй — метафорическим. Ключевым в смысловом подходе становится описание «через прототипические ситуации» возникновения эмоции [2, с. 453–455]. К примеру, в Толково-комбинаторном словаре *страх* описан следующим образом: *страх* — «такое состояние X-а, что X боится.2а Y-а, и такое, что, если оно усиливается, то оно каузирует¹ то, что X теряет самоконтроль; это состояние таково, какое обычно бывает в указанной ситуации» [10, с. 456]. Метафорический подход предполагает описание метафор, через которые эмоции концептуализуются в языке; описание и объяснение симптоматической лексики (*похолодел от страха* и т. п.) [2, с. 455–457]. В основе таких метафорических состояний лежит реальное изменение процессов биологической регуляции, вызванное возникшей эмоцией (см. об этом: [11]).

В рамках нашего исследования применяется инструмент, предполагающий построение модели прототипической эмоциональной ситуации, при создании которой в том числе учитываются элементы метафорического воплощения переживания. Тем, вокруг чего строится вербализация, становится для нас лексема, называющая эмоцию. Ю. Д. Апресян относит такие слова к базовой эмоциональной лексике, отмечая, помимо глагольных синонимических рядов (*бояться, радоваться*), ряды существительных, прилагательных и наречий (*радость, рад, боязно, со страхом*) [2, с. 367].

Исследуя особенности функционирования лексем, непосредственно номинирующих эмоции, мы, вслед за Л. Г. Бабенко, используем термин «эмотив-номинант». Специфика эмотивов-номинантов заключается в том, что эмотивные смыслы входят в денотат, а сама сема эмотивности предстает в виде аналитического сочетания, первый компонент которого выражается обобщенными понятиями «испытывать», «чувствовать», а второй передает конкретное наименование конкретного чувства [3, с. 23–31].

Как отмечает В. И. Шаховский, вербализованные эмоции «способны провоцировать порождение новых эмоциональных ситуаций, что приводит к непрерывной и глобальной эмоционализации и экспрессивизации коммуникативного пространства» [12, с. 25].

В зависимости от типа синтагматических отношений, в которые эмотив-номинант вступает с элементами высказывания, передающего переживание, мы выделяем способы вербализации эмоций с точки зрения качественной характеристики переживания; с точки зрения деятельной характеристики самой эмоции, выступающей как активный компонент; с точки зрения деятельной характеристики того, кто испытывает или вызывает эмоцию, а также через указание непосредственно на носителя или причину эмоции [13; 14]. Данные способы соотносятся с типами сочетаний, представляемых в виде совокупности моделей, в свою очередь составляющих модель всей эмоциональной ситуации.

Далеко не всегда репрезентированное переживание становится единственным в сложившейся эмоциональной ситуации. В таком случае необходим комплексный анализ всех аспектов вербализации, представленных в высказывании, для изучения специфики сосуществования нескольких эмоций в рамках одной эмоциональной ситуации.

Цель статьи — представить результаты моделирования вербализации эмоции, репрезентированной эмотивом-номинантом, входящим в полиэмоциональную ситуацию.

Объектом в нашем исследовании выступает речевой материал, представленный совокупностью высказываний, содержащих эмотивы-номинанты. В качестве материала исследования было привлечено 100 минимальных контекстов употребления эмотива-номинанта *страх*, взятых из публицистического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Методы (Methods)

Ю. Д. Апресян пишет об объекте лингвистической науки как о недоступном непосредственному наблюдению. В связи с этим одним из основных способов изучения механизмов речевой деятельности признается построение лингвистических моделей [15, с. 78–79]. Авторы «Толково-комбинаторного словаря русского языка» так определяют условия построения модели: «X называется функциональной моделью объекта Y, если и только если X есть система правил, составленных исследователем на основе наблюдаемого функционирования объекта Y так, чтобы они как можно точнее отражали поведение этого объекта; такая система правил представляет собой описание Y-а» [10, с. 18].

Модель «Смысл \Leftrightarrow Текст», разработанная в рамках Московской семантической школы, предполагает, что значение одного выражения определяется его семантическими отношениями с другими выражениями, а само его значение «определяется как инвариант его синонимических преобразований» [16, с. 27]. При этом между лексическим выбором (парадигматикой) и сочетаемостью (синтагматикой) существуют глубокие связи. О невозможности адекватного описания значения вне его синтаксического контекста пишет и И. М. Кобозева: «...Описание значения (парадигматического свойства слова) требует учета его синтагматических свойств» [17, с. 148].

Синтагматические связи широко представлены в вокабулах Толково-комбинаторного словаря. Разработанная модель отражает то, «каким синтаксическим актантом выражается каждый семантический актант данного слова; как дол-

жен быть оформлен на поверхности каждый синтаксический актант; и, наконец, какие из синтаксических актантов и при каких условиях несовместимы (или, наоборот, неразделимы, т. е. обязательно выступают вместе)» [10, с. 94]. Описание синтагматических отношений требует своего семантического метаязыка, пример которого мы и находим в данном словаре: *Magn: дикий, безумный; CausFunc_r: вызывать* и т. д.

Набор терминов языка описания, синтагматических реляций и степень их обобщения у разных исследователей может отличаться в зависимости от задач исследования и структуры предложенной модели. Так, в рамках падежной грамматики Ч. Филлмор называет 6 семантических отношений [18], Ю. Д. Апресян приводит 25 отношений [19], а Н. Н. Леонтьева — до 100 [20].

Построение семантических моделей, основанное на описании синтагматических отношений, может использоваться в анализе когнитивных компонентов посредством реконструкции фреймовых структур. Фрейм выступает как модель «для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей» [21, с. 106].

Н. В. Орлова в докторской диссертации, посвященной изучению «наивной этики» как фрагмента концептуальной картины мира, в качестве устойчивых категориальных смыслов приводит нормативность, оценочность, центростремительность и центробежность, генерализацию, субъективность, рефлексивность, рациональность и иррациональность. Эти категории квалифицируются как когнитивные структуры-фреймы, в репрезентации которых участвуют средства разных уровней языка [22].

Исследуя концептуализацию базовых эмоций человека, Е. Н. Белая, вслед за М. П. Одинцовой, использует понятие фрейм-пропозиции для обозначения отраженной в сознании носителя языка типизированной ситуации. Фрейм-пропозиция включает предикат, субъект и причину (обязательные компоненты), а также оценку, степень интенсивности, глубину эмоции, контролируемость и неконтролируемость, внешнее проявление эмоции (факультативные компоненты) [23, с. 48]. В исследовании, посвященном изучению репрезентации наглости, помимо основных и дополнительных компонентов, Е. Н. Белая также отмечает семантико-синтаксические структуры (глагольные, субстантивные и адъективные модели), относя их к языковым характеристикам соответствующего фрейма наглости [24, с. 53].

В нашей работе был использован метод семантического моделирования, для которого базовыми стали такие элементарные синтагматические отношения, как субъект, объект, атрибут, получатель, источник, место, причина и др.

В предыдущих исследованиях [13; 14] на основе анализа сочетаний, репрезентирующих эмоции и включающих эмотивы-номинанты *страх, ужас, боязнь, испуг, удовлетворение, радость, счастье и восторг*, взятых из Национального корпуса русского языка, была разработана система параметров. Параметр — это величина, характеризующая семантические реляции в высказывании. В то же время параметр предстает как инструмент, созданный для анализа речевой реальности — объекта 1 — и построения на основе этого анализа объекта 2 — модели вербализации эмоций, происходящей с помощью эмотива-номинанта.

Каждому параметру соответствует своя группа, состоящая из сочетаний, репрезентирующих соответствующий тип отношений и обладающих общими формальными и семантическими признаками [14]. В результате было разработано пять параметров [13]. Отнесенность исследуемых единиц к группе того или иного параметра определяется соответствующим логическим вопросом:

- «признаки эмоции» — «эмоция какая?»;
- «деятельность эмоции» — «что делает эмоция?»;
- «носитель эмоции» — «эмоция чья? кто испытывает эмоцию?»;
- «причина эмоции» — «почему возникла эмоция?».

Каждый параметр отражает один соответствующий способ вербализации эмоции. Объединение однотипных сочетаний с эмотивами-номинантами и распределение их по группам позволяет увидеть, с какими словами взаимодействует эмотив-номинант и как в этих взаимодействиях раскрываются разные аспекты эмоциональной ситуации и самого эмотива-номинанта, манифестирующего эмоцию.

Единицы, с которыми взаимодействуют эмотивы-номинанты, — это компоненты эмоциональной ситуации. Мы выделили пять основных компонентов эмоциональной ситуации, включая сам эмотив-номинант: экспериенцер (носитель эмоции), эмотив-номинант (сама эмоция), предикат (характер действия), каузатор (причина), определитель (характер переживания).

Схемы, отражающие развертывание эмоциональной ситуации, можно представить в виде следующих типов:

1. Каузатор → (экспериенцер + предикат) → (эмотив-номинант [+ определитель]) (*Теперь я испытываю какой-то панический страх перед мышами*).

2. Каузатор → (эмотив-номинант [+ определитель]) + предикат → экспериенцер (*Меня же не оставял дикий страх, что всё будет иначе*).

3. Каузатор + предикат → (эмотив-номинант [+ определитель]) → экспериенцер (*Деспотизм преподавателей вызывал у детей страх перед школой*).

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Ранее разработанные параметры применялись для изучения компонентов эмоциональной ситуации с опорой на семантико-грамматическую специфику ключевого компонента — самого эмотива-номинанта — и специфику его синтагматических отношений с элементами высказывания. Особенность группы нового параметра «Ситуативное окружение эмоции» заключается в том, что исследовательское внимание не сфокусировано точно на каждой составной части эмоциональной ситуации, а направлено на рассмотрение сосуществующих эмоций через одновременное описание всех компонентов эмоциональной ситуации и их взаимосвязи.

В качестве группообразующих вопросов параметра «Ситуативное окружение эмоции» мы принимаем следующие: «Только ли эту эмоцию переживает носитель? Присутствуют ли другие состояния?».

Представим результаты применения данного параметра как инструмента анализа речевого материала и построения семантической модели.

Предложения, репрезентирующие смешанные состояния, в зависимости от способа сосуществования переживаний, формируют две подгруппы: «Параллельный тип» (номинанты характеризуются схожим функционированием) и «Интеракционный тип» (номинанты вступают в активное взаимодействие).

Обратимся к подгруппе «**Параллельный тип**» и рассмотрим предложение (1) *Туберкулёз приносит страдания своим жертвам и наводит страх на здоровых* (Е. Кудрявцева. Генетики против туберкулеза): эмотивы-номинанты *страдания* и *страх* имеют объектное значение; каузатором, выступающим в роли воздействующего субъекта, стала лексема *туберкулёз*; предикаты со значением «вызывать эмоцию» (*приносит*, *наводит*) и экспериенцеры (*своим жертвам*; *на здоровых*) индивидуализированы.

Для номинантов предложений подгруппы «**Интеракционный тип**» характерны трансформация, присоединение или порождение. Так, в предложении (2) *Любовь к жене, единственное чувство, не расценённое как фантом, в наркотике не годится, так как перерастает в мучительный страх за её жизнь* (А. Кузнецова. Функции ума) слияние эмоций передается через превращение одного состояния в другое.

Моделирование таких типов полиэмоциональных ситуаций возможно на трех уровнях.

Первый уровень представлен общей моделью, соответствующей всем единицам группы данного параметра и, следовательно, отражающей наличие нескольких переживаний в рамках одной эмоциональной ситуации.

При построении модели второго уровня конкретизируется характеристика, обуславливающая отнесение единицы к той или иной подгруппе. Ключевым при определении базовой схемы становится выявление субъекта (экспериенцер — схема первого типа; эмотив-номинант — схема второго типа; каузатор — схема третьего типа). Выбор субъекта определяет взгляд на ситуацию и способ самой вербализации эмоции. Обозначение «эмотив-номинант 1» используется только для той эмоции, в рамках исследования которой строится модель, вне зависимости от порядка представления в высказывании.

При создании модели третьего уровня, отличающейся детализацией, учитывается заданное конкретным высказыванием количество компонентов эмоциональной ситуации, их состав и связи.

Представим трехуровневые модели вербализации полиэмоциональной ситуации, соответствующие предложениям (1) и (2).

Поскольку эти предложения относятся к группе одного и того же параметра, модель 1 является общей: эмотив-номинант 1 + эмотив-номинант 2 + ... + эмотив-номинант n.

Предложение (1) отражает параллельный тип сосуществования эмоций. В роли субъекта выступает каузатор, сле-

довательно, основой должна стать схема третьего типа. Модель 2 для предложения (1) имеет следующий вид:

Модель 2 (1). Каузатор + предикат → ((эмотив-номинант 2 [+ определитель]) + (эмотив-номинант 1 [+ определитель]) + ... + (эмотив-номинант n)) → экспериенцер.

При построении модели 3 конкретизируем количество определителей, номинантов, экспериенцеров и их соотношение:

Модель 3 (1). Каузатор + предикат → ((эмотив-номинант 2 → экспериенцер) + (эмотив-номинант 1 → экспериенцер)).

Предложение (2) представляет интеракционный тип взаимодействия эмоций, отражая процесс трансформации одного переживания в другое. Субъектом в высказывании выступает номинант (*любовь*), поэтому в основу модели 2 (2) будет положена схема второго типа:

Модель 2 (2). Каузатор → ((эмотив-номинант 1 [+ определитель]) + (эмотив-номинант 2 [+ определитель]) + ... + (эмотив-номинант n)) + предикат → экспериенцер.

Для создания модели 3 (2) установим количество эмотивов-номинантов, их определителей, отношения с каузатором и вид межэмоционального взаимодействия:

Модель 3 (2). (Эмотив-номинант 2 [+ определитель]) + предикат ↔ каузатор → (эмотив-номинант 1 [+ определитель]).

Таким образом, трехуровневое моделирование полиэмоциональной ситуации позволяет представить общую модель способа вербализации эмоции, в нашем случае определяемого как описание сосуществующих состояний (модель 1); конкретизировать специфику данного способа, выявив характер взаимоотношений этих состояний (модель 2), и представить детализированную схему реального высказывания (модель 3).

Заключение (Conclusion)

Введение нового параметра «Ситуативное окружение эмоций» позволило изучить особенности высказываний, репрезентирующих полиэмоциональные ситуации, и определить типы таких высказываний, отражающие разные формы сосуществования эмоций.

Компоненты эмоциональной ситуации, ранее рассматриваемые нами изолированно, в рамках нового параметра представлены комплексно и включаются в целостный анализ полиэмоционального высказывания. Трехуровневые модели, построенные на основе такого анализа, дифференцируются по степени конкретизации количества компонентов эмоциональной ситуации, их состава и отношений между ними, отражая как общие условия полиэмоциональной ситуации, так и частные обстоятельства взаимодействия нескольких эмоциональных состояний. Всё это позволяет наиболее полно представить специфику вербализации эмоции *страх* в рамках полиэмоциональной ситуации, что свидетельствует об эффективности применения нового параметра «Ситуативное окружение эмоций».

Библиографический список

1. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 144 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 130 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
6. Diller H. J. Emotions and the Linguistics of English Proceedings / ed. by W. L. Busse. Tubingen : Niemeier. 1992. 155 p.
7. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1987. 270 p.
8. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV-th International Congress of Linguists Organized Under the Auspices of CIPL. Berlin, 10–15 August 1987. Berlin, 1987. P. 272–291.
9. Caffi C., Janney R. W. Toward a Pragmatics of Emotive Communication // Journal of Pragmatics. 1994. Vol. 22 (3–4). P. 325–373. DOI: 10.1016/0378-2166(94)90115-5
10. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М. : ЯСК, 2016. 544 с.
11. Carvalho G. B., Damasio A. Interoception and the Origin of Feelings: A New Synthesis // Bioessays. 2021. Vol. 43 (6). Article 2000261. DOI: 10.1002/bies.202000261
12. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37
13. Гуц Е. Н., Иванова (Лонская) Е. Д. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций (на примере эмоций *боязнь* и *испуг*) // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 97–102. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-36-97-102
14. Гуц Е. Н., Иванова (Лонская) Е. Д. Вербализация базовых эмоций на материале Национального корпуса русского языка: сравнительно-сопоставительный анализ вербализации эмоций страх и ужас // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 13–22. DOI: 10.36906/2500-1795/21-2/02
15. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики : краткий очерк. М. : Просвещение, 1966. 305 с.
16. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М. : Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
17. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
18. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1981. Вып. X. С. 369–495.
19. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М. : Наука, 1974. 366 с.
20. Леонтьева Н. Н. Семантика связного текста и единицы информационного анализа // Научно-техническая информация. 1981. Сер. 2. № 1. С. 21–29.
21. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
22. Орлова Н. В. Лингвистическое моделирование русской наивной этики : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006. 200 с.
23. Белая Е. Н. Концептуализация базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков) : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 199 с.
24. Белая Е. Н. Репрезентация наглости в русской языковой картине мира // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 52–56. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-38-52-56